

Младший брат

На третий день после того, как Сань Вань официально стал моим учеником, в лавке произошло одно пустяковое происшествие. Причиной ему послужило блюдечко соевого соуса, в участниках значились три человека и один Ворон, а итогом стало появление у меня младшего брата.

Будь это внове для меня самого — ни за что бы не поверил.

В тот день в полдень Сань Вань, как обычно, занимался дневными упражнениями в углу лавки. Дневные упражнения состояли не в чтении сутр, а в чистописании. Я купил ему самую дешевую кисть и стопку самой дешевой грубой бумаги, велел выводить по сто иероглифов в день. Сань Вань спросил, что именно писать, на что я ответил: что угодно, пиши всё, в чем рука лежит. С тех пор он каждый день исписывал всю бумагу двумя иероглифами: вонтон. Прошло три дня, Лю Руянь, проходя мимо, бросила на листок беглый взгляд и заявила, что эти иероглифы он выводит уже лучше, чем местный учитель в частной школе.

— Благое дело, — Сань Вань сложил ладони на груди. — Не смогу собрать подаяния — пойду надписями торговать.

Сегодня он не стал писать вонтоны. Весь лист был исписан иероглифом Сюй. Уставной почерк, беглый, скоропись, официальное письмо — все они теснились вместе, большие и малые, словно стайка разномастных птиц, опустившихся на бумагу. Я спросил его, с чего это он вдруг сменил тему, на что он отложил кисть и серьезно посмотрел на меня:

— Нищий монах подумал: раз уж я принял ученичество, то по крайней мере должен уметь как следует выводить фамилию своего наставника. Вдруг кто-нибудь в будущем спросит — как фамилия вашего наставника? Нищий монах не сможет же чертить круги на земле.

— Мог бы просто сказать.

— Ушедший от мира не лжет, но иногда слово вертится на языке и вылетает из головы. Если вдруг забудешь, по крайней мере сможешь показать людям на письме.

Лю Руянь подперла голову рукой, облокотившись на прилавок:

— А если твой наставник вдруг сменит фамилию?

Сань Вань замер. Он опустил взгляд на густо исписанный иероглифами Сюй лист, помолчал добрую минуту, после чего поднял на меня свои янтарные глаза с крайне серьезным выражением лица:

— Наставник, вы собираетесь менять фамилию?

— ...С какой стати мне ее менять?

— Ну, например, если войдете в семью в качестве зятя, — вставила со стороны Лю Руянь.

Шэнь Цзинчжэ как раз выходила из внутренней кухни со стопкой вонтонов в руках, ее шаг на мгновение замедлился, и миски с тарелками издали звонкий стук. Я решил положить конец этому разговору.

В этот самый момент Ворон слетел с подоконника и опустился на стол, где Сань Вань занимался каллиграфией. Прошагав пару шагов, птица склонила голову набок, разглядывая начертанные на бумаге иероглифы Сюй, после чего протянула лапу и оставила след на чистом листе грубой бумаги. Тушь еще не высохла, и воронья лапа, перемазавшись в чернилах, отпечатала на бумаге кривобокий след.

Сань Вань уставился на этот отпечаток. Ворон уставился на Сань Ваня. Человек и птица долго смотрели друг на друга, после чего Сань Вань произнес фразу, от которой стихла вся лавка:

— Наставник, нищий монах желает взять ученика.

Палочки Лю Руянь выпали из рук.

— Ты чего сказал?

— Взять младшего брата. — Сань Вань указал на Ворона на столе. — Его.

— Это Ворон.

— Все живые существа равны. — Сань Вань сложил ладони. — Будда говорил, что в каждом живом существе таится природа Будды. Ворон — тоже живое существо, и в нем есть природа Будды. Раз в нем есть природа Будды, он может войти в ворота моей учительской школы.

— Твоя школа — конфуцианская.

— Конфуцианство, буддизм и даосизм — одна семья.

— Это кто сказал?

— Нищий монах. — Выражение лица Сань Ваня было столь безмятежным, словно он говорил о чем-то столь же естественном, как восход солнца на востоке. — Нищий монах считает это правильным, значит, так оно и есть.

Ворон издал со стола короткое карканье. То ли в знак одобрения, то ли насмехаясь. Сань Вань повернулся к Ворону и отвесил поклон со сложенными ладонями:

— Отныне ты — младший брат нищего монаха. Дхарма-имя... — он долго размышлял. — Дхарма-имя — И Дье.

— Почему это — И Дье? — поинтересовалась Лю Руянь.

— Потому что каждый раз, когда он ест тесто, ему подают его на тарелочках: тарелочка теста, тарелочка соевого соуса. Тарелочка за тарелочкой, все подчистую съедает, — пояснил Сань Вань. — Наставник говорит, что слова обретают форму закона; доест тарелочку теста до конца — это тоже путь совершенствования.

Птица по имени И Дье покосилась на Сань Ваня, взмахнула крыльями и вернулась на свое излюбленное место на подоконнике. Там она клювом подцепила валявшийся на краешке тарелки пожелтевший лист зелени, выбросила его в мусорное ведро, снова подлетела к Сань Ваню, протянула лапу и оставила второй отпечаток на только что исписанном листе бумаги. Два отпечатка — слева и справа, ровно и аккуратно, словно чья-то подпись.

Лю Руянь посмотрела на исписанный листок с двумя вороньими следами и вдруг произвела фразу, от которой Сань Вань остолбенел:

— А птичьи следы рядом с твоей кистью смотрятся очень даже гармонично. Будто один наставник учил.

Сань Вань бережно поднял листок со стола, двумя руками поднес его к подоконнику, чтобы просушить, и отвесил поклон отпечаткам лап. Ворон тоже склонил голову — впрочем, возможно, он просто выклевывал остатки туши из перьев.

— И всё же, — я окинул взглядом эту парочку учителя-учеников — нет, этих братьев по ученичеству, — и с серьезным видом спросил: — С каких это пор у меня появился ученик-птица?

— С этого самого момента, — ответил Сань Вань. — Наставник только что не возразил, значит, промолчал — значит, согласился.

Я попытался возразить, но понял, что оснований для возражений и впрямь нет. Ворон таскался за нами от Поселка Цинши до Равнины Белых Костей, а оттуда до Монастыря Ланькэ, пролетев тысячи ли. Он бил меня крыльями, сидел у меня на плече, передавал мои послания и прикрывал меня от чудовищного давления у Стелы Императорских Указов. Сюй Мо велел ему явиться — он явился, а раз явившись, никуда не уходил. Он не был чьим-то питомцем, он был последним вестником, которого Сюй Мо оставил мне. Теперь письмо доставлено, и он вполне мог бы улететь, но вместо этого предпочел остаться в лавке и есть тесто.

Если это не ученик, то что тогда вообще считать ученичеством?

— И Дье, — я протянул руку к Ворону.

Он вспорхнул и опустился на мое запястье. Лапки его были легкими, он не вцеплялся мертвой хваткой, а лишь невесомо примостился сверху. Темно-красные глаза смотрели на меня — в них не было больше жуткого блеска, с которым он передавал чужие слова, лишь спокойный взгляд обычной птицы.

— Отныне тесто будет вдоволь.

И Дье хлопнул крыльями и издал предельно довольное карканье. Сань Вань принялся хлопать в ладоши, Лю Руянь подняла с пола палочки и проворчала:

— Кто еще хоть раз заикнется, что наша лавка — это приличное заведение с вонтонами, с тем я кровно разругаюсь.

Шэнь Цзинчжэ выставила на стол свежесваренные вонтоны, бросила взгляд на Ворона и невозмутимо произнесла:

— Мисок не хватает.

С этими словами она вернулась на кухню, а когда вышла оттуда, в ее руке было новенькое блюдечко — на размер меньше прежнего, с вырезанной по краю неглубокой канавкой, как раз чтобы воронья лапа цеплялась и не соскальзывала.

— Ленты для платья шьет швея, столы мастерит плотник, а птичьи блюдечки — культиватор меча, — Лю Руянь цокнула языком, разглядывая изящное маленькое блюдечко. — Шэнь Цзинчжэ, есть ли вообще что-то, чего ты не умеешь?

— Разжигать огонь, — ответила Шэнь Цзинчжэ. — Привыкла к массивам духовного пламени, а кресалом огонь то и дело гаснет.

В лавке на миг воцарилась тишина, после чего все разом расхохотались. И Дье пикировал с подоконника прямо на плечо Шэнь Цзинчжэ, клювом подцепил прилипший к ее фартуку стебелек зеленого лука, заглотил его, задрал голову, а затем вернулся на свое законное место на подоконнике и принялся клевать тесто в блюдечке. На сей раз это были не обрезки теста, а целый кусок, который Шэнь Цзинчжэ специально для него отломила: с ровными краями, как раз по размеру нового блюдечка.

Я оглядел всё происходящее в лавке: Лю Руянь, которая снова уткнулась в прилавок, продолжая ведение бухгалтерских книг и бормоча себе под нос о том, стоит ли вносить И Дье в ведомость бесплатного питания для персонала; Шэнь Цзинчжэ, прислонившуюся к косяку

кухонной двери и протирающую свой меч, всё еще в том самом испачканном луком фартуке; Сань Вань, устроившегося в углу и снова взявшегося за кисть, чтобы вывести на бумаге кривобокий иероглиф — знак «младший брат», предназначенный для нового соученика; Ворона на подоконнике с полуприкрытыми темно-красными глазами, в то время как солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву вяза, покрывали его черные перья россыпью золотых искр.

Я опустил взгляд на кисть в своей руке. Сегодня она казалась удивительно легкой.

<http://bllate.org/book/21206/2146462>